

fly under and through
to many other such
Lancashire the ship
to the great joy and

There's no time
for the good frame
for the good frame

Message Health
and Diseases. 1899.
The island government

Đoàn văn do người
lưu giữ và truyền
đi và tất cả chúng ta

Артеми́й Ко́т

Книга Хагалатов

«Автор»

2026

Кот А.

Книга Хагалатов / А. Кот — «Автор», 2026

Илья Ветров привык доверять только документам. Но однажды его собака Нэра исчезает, оставив светящийся сигнал в ошейнике и предупреждение: «Не открывай дверь». Нэра — Хагалат, хранительница памяти древней цивилизации, чьи способности спят в телах современных животных. Она проходит сквозь границы реальностей, чувствует чужие воспоминания и видит скрытое за человеческим миром. За ней охотятся Архантоиды — цифровые существа, обитающие в сетях, кристаллах и снах. Они подделывают голоса близких, стирают имена и превращают силы Хагалатов в оружие. Для них Нэра — ключ к власти над всем живым. Следуя за сигналом ошейника, Илья отправляется в старый планетарий, где скрыт вход в другую реальность и Книга Хагалатов. Она способна вернуть животным память, но требует выбора: сохранить мир, построенный на неведении, или позволить миллионам существ вспомнить, кем они были.

© Кот А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Пробуждение	5
Глава 1. «Собака, которая слишком долго смотрела»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Артемий Кот

Книга Хагалатов

Часть I. Пробуждение

Глава 1. «Собака, которая слишком долго смотрела»

В муниципальном архиве всегда пахло так, будто время однажды умерло здесь, но никто не решился вынести его тело. Его незримый труп разлагался между стеллажами, впитывался в бумагу, клей и древесину, оседал на подоконниках серой пылью.

Запах складывался из пыли, мокрого картона, старого дерева и чего-то металлического — холодного привкуса монеты, слишком долго пролежавшей на языке. Зимой к нему примешивался запах батарей. Они гудели в нишах, нагреваясь с таким усердием, словно пытались доказать собственную полезность перед комиссией по оптимизации отопления.

Илья Ветров сидел за третьим столом у окна и сканировал рукопись, которой, по официальной оценке, было «не менее двухсот лет». По неофициальной оценке Ильи, рукопись устала быть двухсотлетней ещё лет сто назад.

Страница лежала под стеклом. Бумага темнела по краям, как снег в городе после первой недели зимы: сначала белый, потом серый, затем чужой и безымянный. На полях проступали пятна, похожие на отпечатки пальцев, хотя принадлежали они, вероятно, не человеку. В центре страницы тянулся текст на языке, которого никто в архиве не умел читать, но начальство всё равно называло его «условно религиозным».

В архиве всё, что невозможно было прочесть, называли религиозным. Это позволяло не принимать решений и при этом сохранять выражение уважительной сосредоточенности.

Илья наклонился к экрану. Программа автоматически распознала строку:

«...память возвращается к тому, кто не требует её...»

Ниже появилась подпись:

«Вероятность ошибки распознавания: 97,4 процента».

— Успокаивает, — пробормотал Илья. — Почти как врач, который перед операцией сообщает, что вероятность выживания пока не исключена.

— Вы опять разговариваете с компьютером? — спросила за его спиной Марина Сергеевна, заместитель начальника отдела хранения.

Она всегда появлялась бесшумно, хотя носила обувь на твёрдом каблуке. Илья подозревал, что Марина Сергеевна научилась перемещаться по архиву так же, как перемещаются сомнения: внезапно, незаметно и обязательно в тот момент, когда человек уже решил, что остался один.

— Нет, — ответил он, не оборачиваясь. — Я разговариваю с ошибкой.

— С ошибкой нужно не разговаривать, а исправлять её.

— Это относится к программе или к учреждению?

Марина Сергеевна посмотрела на него поверх очков. В её взгляде было то спокойное, безупречно выдержанное неодобрение, которое в государственных учреждениях заменяет выговор и иногда переживает самого начальника.

— К рабочему процессу, Илья Павлович.

— Конечно, — сказал он и едва заметно улыбнулся. — Рабочий процесс у нас неприкосновенен. В отличие от всего остального.

— И ещё. Министерство просит подготовить список документов, подлежащих цифровой приоритизации.

— А что такое «цифровая приоритизация»?

— То, что мы теперь делаем.

— А если без министерского диалекта?

— Часть фондов будет оцифрована первой, часть второй, а часть не будет оцифрована никогда.

Илья наконец повернулся к ней.

— То есть забыта.

— Не драматизируйте, — сухо сказала Марина Сергеевна. — Забыта только та информация, к которой никто не обращается.

— Тогда половина нашей истории уже в безопасности.

Улыбка исчезла с её лица, не успев появиться. Марина Сергеевна вздохнула, и архивный воздух дрогнул вокруг неё, как тёмная вода перед дождём.

— До конца недели подготовьте список.

— А если список окажется слишком честным?

— Тогда, Илья Павлович, вы получите возможность составить новый.

Она ушла, оставив после себя запах дорогих духов и невысказанного замечания — тонкого, как лезвие, и столь же пригодного для повседневного применения.

Илья снова посмотрел на экран. Программа продолжала распознавать текст. Строки возникали, исчезали, исправлялись. Смысл то проступал, то отступал, будто кто-то стоял по ту сторону стекла и медленно менял местами слова.

Илья любил архивы за их честную неспешность. Люди лгали быстро. Документы лгали медленно, из-за чего их было легче поймать.

Он работал архивистом двенадцать лет. За это время успел научиться различать бумагу по звуку, клей по цвету и чиновника по тому, как тот произносит слово «культура». Он мог определить, где документ был повреждён водой, а где его специально протёрли, чтобы уничтожить имя. Знал, какие чернила выцветают от света, а какие — от страха реставратора.

Последнее он, разумеется, никогда не записывал в отчётах.

В пять часов вечера Илья выключил сканер, накрыл рукопись защитной тканью и проверил замок на шкафу. Потом проверил его ещё раз.

— Вы закрыли его, — сказала Ольга из соседнего ряда.

— Я знаю.

— Тогда зачем проверяете?

— Потому что знаю недостаточно убедительно.

— Вы когда-нибудь знаете убедительно?

— Только когда уже слишком поздно.

На улице шёл мелкий дождь. Он не падал, а будто завис между небом и землёй, не решаясь выбрать сторону, и постепенно соглашался с необходимостью стать водой. Илья поднял воротник пальто, поправил ремень сумки и пошёл к метро.

Нэра ждала его дома.

Она всегда встречала его у двери, но не относилась к тем собакам, которые бросаются навстречу, будто возвращение человека является событием планетарного значения. Нэра считала подобную демонстрацию чувств избыточной. Она обычно поднимала голову, один раз ударяла хвостом по полу и смотрела на Илью так, словно он вернулся не домой, а из командировки, которую не согласовал с семьёй.

В этот вечер она не подняла голову.

Илья снял пальто, повесил его на крючок и поставил сумку на пол.

— Привет. Я тоже рад тебя видеть.

Нэра лежала возле батареи. Её серо-чёрная шерсть отливала графитом, будто в ней застрял вечерний свет. На груди белело пятно в форме незамкнутого круга — знак, который кто-то начал писать и передумал заканчивать.

Илья когда-то думал, что это случайная отметина. Потом решил, что любое пятно на собаке лучше любой человеческой эмблемы: собака не собирает вокруг пятна государство, не требует гимна и не объявляет соседнюю собаку врагом народа.

Нэра смотрела на закрытую дверь в конце коридора.

Дверь в кладовую была старой. Её несколько раз красили, и под каждым новым слоем проступали прежние цвета: зелёный, серый, молочный, снова зелёный. Краска отслаивалась чешуйками, словно дверь пережила несколько жизней и теперь не могла решить, какую из них считать настоящей. Она давно не закрывалась до конца. Илья хранил за ней коробки, старые вещи матери и несколько папок, которые никак не мог разобрать.

Нэра смотрела на дверь уже двадцать минут.

— Там ничего нового, — сказал Илья, стараясь говорить легко. — Если, конечно, мои забытые носки не организовали там самостоятельное государство.

Нэра не повернула головы.

— Если ты хочешь, чтобы я открыл дверь, могла бы просто сказать.

Нэра медленно посмотрела на него.

Илья замер.

Нет, подумал он. Это был не ответ. Обычная реакция. Собака посмотрела на человека, человек приписал взгляду смысл, а потом обиделся на собственную фантазию. Обычный замкнутый круг одиночества: сначала человек разговаривает с животным, потом делает вид, что животное ответило, а затем пугается того, насколько убедительно это получилось.

— Ладно, — сказал он тише. — Не отвечай. Я тоже иногда не отвечаю.

Нэра отвернулась.

— Это не одно и то же.

Слова возникли в его голове чужим голосом — сухим, женским, почти похожим на голос Нэры, если бы Нэра могла говорить и считала человеческую речь неоправданно длинной формой лая.

Илья поставил чайник.

Он не испугался. Испугаться означало бы признать, что голос существует. Пока голос можно было объяснить усталостью, звоном труб, шумом воды, остаточным эхом архивной рукописи или началом какого-нибудь неврологического заболевания. У человека, работающего с мёртвыми текстами, всегда находилось достаточно причин слышать лишнее.

— Ты опять весь день был среди мёртвых, — сказала Нэра.

Илья обернулся так резко, что задел локтем край стола.

Нэра лежала возле батареи и смотрела на него.

Её губы не двигались.

— Что ты сказала? — спросил он. В голосе прозвучала резкость, за которой прятался страх.

Нэра моргнула.

Голос исчез.

Илья присел перед ней на корточки. Нэра пахла дождём, шерстью и тёплой пылью. Этот запах был настолько знакомым, настолько неизменно домашним, что на мгновение его сознание отказалось от всех сложных версий. Нэра была здесь. Он был здесь. Чайник был выключен. Мир держался на трёх простых фактах и пока не требовал дополнительных.

— Нэра, — тихо сказал Илья. — Ты слышишь меня?

Нэра закрыла глаза.

— Отлично, — выдохнул он. — Очень содержательная беседа. Я начинаю чувствовать себя на совещании.

Он встал, налил чай и вернулся к компьютеру. На рабочем столе оставалась копия рукописи, которую он принёс домой для дополнительной обработки. Марина Сергеевна запрещала выносить документы из архива, но Илья считал, что некоторые запреты придуманы для защиты вещей от людей, а не людей от вещей.

Он открыл файл.

В центре страницы находился знак. Раньше Илья его не замечал: чёрный круг, разделённый тонкими линиями на пять дуг. Он напоминал глаз, который не закрывается, или дверь, изобразившую из себя зрачок. Под знаком тянулись символы, похожие на следы когтей, отпечатки лап и геометрические формулы, которые слишком долго смотрели друг на друга и в конце решили стать религией.

Нэра подняла голову.

Комната изменилась. Холод не вошёл в неё извне — он будто проснулся внутри стен, поднялся из пола и осторожно положил ледяную ладонь Илье на затылок.

— Ты знаешь этот знак? — спросил он.

Нэра не ответила.

— Только не молчи так, будто уже знаешь, чем всё закончится.

Он приблизил изображение. Вокруг чёрного круга располагались семь маленьких символов. Один напоминал крыло. Второй — щупальце, свернувшееся в узел. Третий — нору. Четвёртый — раздвоенный след копыта. Пятый — пчелиную ячейку. Шестой — изломанную снежную вершину. Седьмой был стёрт настолько тщательно, будто тот, кто удалял его, боялся не изображения, а самого факта его существования.

Нэра подошла к столу.

Илья не заметил, как она встала. Собачьи лапы почти не издавали звука; она двигалась по квартире, как тень, которой не требовалось разрешение на существование. Нэра приблизилась к экрану, но не посмотрела на изображение. Она смотрела на Илью.

— Тебе это знакомо? — спросил он уже без насмешки.

Нэра коснулась носом его руки. Илья ощутил запах мокрого камня.

Потом — соль.

Потом — тёплую пыль, сгорающую на солнце.

Перед глазами возникло не изображение, а место.

Он стоял в саду, где деревья были прозрачными. Их стволы складывались из зелёных и золотых кристаллов, внутри которых медленно перемещался свет, словно по жилам огромного неподвижного организма. Под ногами лежала не земля, а плотная тёплая поверхность, похожая одновременно на камень и живую кожу. Вдалеке поднимались башни. Их не строили: они росли, изгибаясь навстречу друг другу, как пальцы гигантской руки, застывшей в попытке кого-то удержать.

Над садом висело небо цвета глубокого синего стекла. Солнца в нём не было, но всё вокруг светилось изнутри, словно мир горел без пламени и не собирался объяснять почему.

Кто-то пел под землёй.

Нет, не пел. Перемещал воду.

Нет, не воду. Память.

Илья попытался вдохнуть, но воздух в этом месте имел вкус металла и цветов. Он увидел животных, двигавшихся между кристаллическими деревьями. Слоны несли на спине плоскую каменную плиту, испещрённую звуковыми волнами. Над садом пролетела стая птиц, и пространство под ними на мгновение изменило цвет, будто небо уступило им право быть небом. В прозрачном водоёме медленно раскрылись щупальца осьминога, удерживающего вокруг себя куб из неподвижной воды.

Впереди стояла собака.

Серая. С белым пятном на груди.

Она была похожа на Нэру, но старше, чем могла быть собака, и моложе, чем может быть память. Вокруг неё стояли семь животных. Ворон смотрел в небо, словно там кто-то задолжал ему ответ. Осьминог держал в щупальцах светящуюся сферу. Слепой крот касался лапой пола. Лошадь опустила голову. Пчела неподвижно висела над камнем. Снежный барс стоял чуть в стороне, у разрыва в воздухе.

Перед серой собакой лежала книга. Книга была огромной, но не казалась тяжёлой. Её обложка состояла из тёмного материала, похожего на кристалл, который научился быть тенью. На поверхности проступали письма. Илья не мог их прочитать, но понимал смысл.

Имя.

Предел.

Выбор.

Собака коснулась книги. Сад содрогнулся.

Издалека пришёл белый свет. Он двигался между деревьями, не освещая их, а стирая. Там, где он проходил, исчезали ветви, башни и следы животных, будто сам мир был написан на влажной бумаге. Животные вокруг собаки повернулись к свету. Ворон взмыл вверх. Лошадь попятилась. Барс шагнул к собаке, но между ними возникла прозрачная стена.

Собака обернулась. Она смотрела прямо на Илью.

Илья почувствовал, что знает её. Не как Нэру, живущую в его квартире. Не как животное, которое ждёт у двери. Он знал её так, как знают запах дыма после пожара: не умом, а всем телом, которое ещё помнит жар.

Собака сказала:

«Не открывай дверь, пока не вспомнишь, кто просится внутрь».

Илья резко отдернул руку. Он оказался на кухне. Чашка лежала на полу и медленно раскалывалась. Чай растекался по линолеуму тонкой коричневой рекой, огибая осколки, как вода огибает камни на дне давно знакомого русла. Нэра стояла рядом со столом, напряжённая, с поднятым левым ухом.

Илья тяжело дышал.

— Что это было? — спросил он. — Нэра, что ты мне показала?

Нэра смотрела на него.

— Ты видела это? — Голос Ильи дрогнул, несмотря на все попытки удержать его ровным. Молчание.

— Или я видел это через тебя?

Нэра отвела взгляд.

— Нэра, ответь мне.

Голос возник внутри головы так ясно, что Илья почувствовал его почти физически, как холодное дыхание у самого уха.

«Не называй это видением».

— Почему? — прошептал он.

«Потому что видение заканчивается, когда просыпаешься».

— Тогда что это? — Илья сжал кулаки. — Что ты со мной сделала?

«Воспоминание».

Он сел на пол. Осколки чашки блестели рядом с его коленом, маленькие белые зубы разбитого быта.

— Моё?

Нэра посмотрела на старую дверь в кладовую.

«Нет».

— Твоё?

Она не ответила.

Но в этот раз молчание было ответом — тяжёлым, окончательным, лишённым всякой возможности притвориться, будто ничего не произошло.

Илья поднялся и прошёл к двери. Нэра зарычала.

Это был негромкий звук, однако в нём не осталось ничего от обычного предупреждения. Рычание поднималось из глубины, где собака уже не была домашним животным. Там говорила сила — древняя, терпеливая и совершенно не заинтересованная в человеческих объяснениях.

Илья остановился.

— Ты хочешь, чтобы я не открывал? — спросил он, пытаясь придать вопросу обычный смысл.

«Я хочу, чтобы ты не делал вид, будто это решение твоё».

— А чьё оно? — спросил Илья уже почти с отчаянием.

Нэра подошла к двери и прижалась носом к щели.

Из-за двери донёсся тихий звук.

Не скрип. Не движение коробок. Кто-то медленно провёл когтем по внутренней стороне дерева.

Один раз.

Потом второй.

Потом третий.

Нэра отступила. Шерсть вдоль её хребта поднялась, превратив спину в тёмный гребень. Илья почувствовал, как под кожей выступил холод.

— Там кто-то есть? — спросил он.

Нэра посмотрела на него.

«Там есть то, что помнит, как войти».

— Что это значит? Нэра, мне нужно понять.

«Понимание — не всегда дверь. Иногда это ключ, который уже поворачивают в замке».

Свет на кухне мигнул.

На экране компьютера рукопись изменилась. Чёрный круг стал ярче, а стёртый седьмой символ проступил тонкими белыми линиями. Он напоминал незамкнутый след лапы.

Под ним возникла новая строка:

«Хранитель пробуждён».

Илья не успел прочитать её до конца. Экран погас.

В темноте Нэра зарычала снова. На этот раз из-за двери ответили. Не рычанием. Голосом Илья.

— Нэра, открой. Я вернулся домой.

Илья почувствовал, как собака прижалась к его ноге. Её тело дрожало, но взгляд оставался неподвижным, прикованным к двери.

За дверью он слышал собственное дыхание. Потом голос матери:

— Илюша, ты опять кого-то прячешь.

— Мама?.. — выдохнул Илья, и это короткое слово прозвучало так, будто он сам только что открыл в себе старую комнату.

Нэра подняла голову. Её янтарные глаза отразили слабый свет с улицы, и в глубине радужки на мгновение проступили тонкие кольца, похожие на письмена.

Она посмотрела на Илью и впервые произнесла вслух:

— Не открывай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.